

Боровков Александр Михайлович, Боровкова Ольга Владимировна

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЕСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СИСТЕМЕ ЗНАНИЯ

В статье исследуется одна из особенностей исторической науки, заключающаяся в том, что современные дефиниции ее места в сфере знания носят подвижный, противоречивый характер, что отражает происходящую трансформацию истории, которая, в свою очередь, связана с неопределенностью ее границ со смежными науками. Показано, что такая неопределенность вызвана изменениями представлений об элементах сложного объекта исторической науки. Выявлено, что данные изменения не разрушают "смысловое ядро" исторической науки - время.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-1/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. I. С. 34-39. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

научно-теоретической базы и практического опыта современных организаций, были сформулированы цели и систематизированы задачи социальной политики организации, основными из которых являются повышение качества жизни работников, производительности труда и эффективности работы организации в целом, позиционирование организации на рынке как социально-ориентированной, заботящейся о своих сотрудниках. Цели и задачи социальной политики, обозначенные автором, могут быть использованы в практике функционирования современных организаций при формировании системы социальной защиты работников и разработке механизмов повышения эффективности работы организации посредством социальных программ.

Список литературы

1. Абалкин Л. И. Экономическая история СССР. М.: Инфра-М, 2007. 496 с.
2. Благоев Ю. Е. Корпоративная социальная ответственность. Эволюция концепции. М.: Высшая школа менеджмента, 2011. 272 с.
3. Вахитов К. И. Роберт Оуэн. М.: Дашков и К°, 2004. 44 с.
4. Всемирная история экономической мысли. М.: Мысль, 1989. 575 с.
5. Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке / пер. с англ. Н. М. Макаровой. М.: Издательский дом «Вильямс», 2007. 288 с.
6. Дэкерс Л. Мотивация. Теория и практика: расширенный курс / пер. Д. Краличкина и др. М.: ГроссМедиа, 2007. 640 с.
7. Корпоративная социальная ответственность: общественные ожидания [Электронный ресурс]. URL: http://www.cgp.ru/pdfs/amr_book4.pdf (дата обращения: 06.04.2015).
8. Кравченко А. И. Классики социологии менеджмента. Ф. Тейлор, А. Гастев. М.: Издательство РХГИ, 2003. 320 с.
9. Окснфорд К. Э., Розина Е. В. Управление социальным развитием и социальная работа с персоналом организации. М.: Проспект, 2012. 64 с.
10. Симхович В. А. Корпоративная социальная ответственность. Философско-управленческие аспекты современного бизнеса. М.: Мисанга, 2011. 200 с.

FORMATION OF SOCIAL POLICY OF ORGANIZATION: THEORETICAL APPROACHES

Berintseva Inga Nikolaevna, Ph. D. in Sociology
Tyumen State Oil and Gas University
berintseva_inga@mail.ru

Basing on scientific literature analysis, the article substantiates the need for the formation of the social policy of the organization and ascertains the influence of social mechanisms on the effectiveness of the company performance. The author formulates the goals and objectives of the social policy of modern Russian organizations, the main of which are to improve the quality of employees' life, to reduce turnover, to improve productivity, to create the image of the organization as a socially-oriented one caring about its employees.

Key words and phrases: social development of organization; social policy; social protection of labour relations; system of corporate social responsibility; goals and objectives of social policy of organization in modern conditions.

УДК 165.9

Философские науки

В статье исследуется одна из особенностей исторической науки, заключающаяся в том, что современные дефиниции ее места в сфере знания носят подвижный, противоречивый характер, что отражает происходящую трансформацию истории, которая, в свою очередь, связана с неопределенностью ее границ со смежными науками. Показано, что такая неопределенность вызвана изменениями представлений об элементах сложного объекта исторической науки. Выявлено, что данные изменения не разрушают «смысловое ядро» исторической науки – время.

Ключевые слова и фразы: историческая наука; естественные науки; социально-гуманитарные науки; общенаучный монизм; модернизм; постмодернизм.

Боровков Александр Михайлович, к. филос. н.
Алтайский государственный университет (филиал) в г. Рубцовске
bat-alexsan@yandex.ru

Боровкова Ольга Владимировна, к. филос. н., доцент
Алтайский государственный технический университет имени И. И. Ползунова (филиал) в г. Рубцовске
o.v.borovkova@gmail.com

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЕСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СИСТЕМЕ ЗНАНИЯ®

Проблема места исторической науки в системе знания давно является предметом пристального интереса и практически не прекращающихся дискуссий.

С тех пор как история была признана областью научного знания, ее место среди других наук окончательно так и не определилось. Она прошла путь от позиционирования ее как определяющей основы социально-гуманитарных наук, до утверждений, что она наукой не является. В настоящее время проблема осложняется тем, что представление о самой исторической науке и о ее месте обусловлено сосуществованием двух основных традиций – модернистской и постмодернистской. Все эти факторы и предопределили необходимость рассмотрения изменения места исторической науки в системе знания.

Основные тезисы, которые авторы выдвигают и стремятся защитить в данной работе, заключаются в том, что, во-первых, изменение места исторической науки обусловлено развитием научного знания, сложным объектом истории и обширным предметным полем. Во-вторых, место исторической науки на различных этапах развития научного знания может быть определено как «пограничное». В-третьих, несмотря на то, что историческая наука «располагается» на границах, постоянно меняет свою дислокацию и находится в состоянии трансформации, один из элементов объекта неустраивает, что обеспечивает этой открытой системе знаний устойчивость – гомеостазис. Это, в свою очередь, позволяет истории идентифицировать себя и манифестировать свою самоидентичность. Таким структурирующим элементом мы полагаем время.

Поиски места исторического знания начались довольно давно. В процессе отделения научного знания от философии наряду с выделением научного знания появляются идеи отличия познания природы и познания общества. Например, Дж. Вико отделяет от природы «мир наций», как творение человека и призывает изучать его, так как «где творящий вещи сам же о них и рассказывает, там получается наиболее достоверная история» [4, с. 118]. Ш.-Л. Монтескье, отделяя человеческую историю от истории природы, определил особенность действия законов истории по отношению к «миру физическому» [12, с. 539].

Выделение исторического знания как отличного от знаний о природе привело к обратному результату: признание истории наукой сопровождалось попыткой ее унификации, приведения к общему образцу. Поэтому одним из решений проблемы ее места была идея общенаучного монизма, основывающегося на законах и методах естественнонаучного познания с опорой, прежде всего, на математику и физику.

О. Конт, занимающий эту позицию, «создает» отдельную дисциплину об обществе – «социальную физику», названную впоследствии социологией, которая от других наук отличалась лишь предметом исследования. Отмечая близость социологии к истории по цели – «рациональное предвидение» будущего развития человеческого общества [8, с. 207], он определяет их различие, состоящее в том, что история является разрыванием человеческой природы во времени. Нужно сказать, что это не отделяло историю от естественных наук, так как время выступало как механическое прогрессивное прямолинейное движение. Между тем, несмотря на попытки поставить историю в ряд со всеми другими науками, Конт в то же время создал «почву», на которой затем развернулось осознание ее своеобразия.

В связи с этим можно отметить позицию немецкого историка Э. Бернгейма, который, исследуя соотношение исторического метода с методами других наук, выявляет «пограничность» исторической науки. Она, по его мнению, граничит как с естественными, так и с историческими вспомогательными науками, включающими филологию, палеографию, географию, философию и др. [3, с. 38].

Представители неокантианской философии пришли к признанию полной противоположности истории и естествознания как по методу, так и по предмету исследования. По мнению Г. Риккерта, В. Виндельбанда, в естествознании изучается общее, повторяющееся (номотетический метод), а в истории предметом изучения является индивидуальное, неповторимое (идеографический метод).

Выделение В. Дильтеем «наук о природе» и «наук о духе» разделило сферу науки на два типа научного знания – естественные науки и социально-гуманитарные. С этого времени историческая наука относится к социально-гуманитарной сфере, но проблема ее «места» далеко не исчерпана, так как возник вопрос об отношении ее к социальным или гуманитарным наукам. Данная проблема осталась открытой: историческая наука так и не укоренилась окончательно ни в социальных, ни в гуманитарных науках.

По этому поводу возникали и возникают совершенно различные мнения, в полной мере представленные в работах отечественных исследователей. Например, Н. И. Губанов, Н. Н. Губанов в своей работе к социальным наукам среди прочих причисляют и историю [5]. И. Т. Касавин полагает, что история относится к сфере гуманитарных наук [17]. Такую же позицию занимает и И. В. Черникова [16].

Существует и «срединная» позиция, сторонники которой причисляют ее к обеим сферам, как например, О. М. Медушевская. Она, в качестве смежных с историей наук, выделяет относящиеся как к социальной, так и гуманитарной сфере: государственно-правовые науки, языкознание, литературоведение, журналистику, экономическую географию, антропологию, археологию, этнографию, статистику и др. [11, с. 57].

Представители неоклассического направления, и прежде всего Дж. Тош, считают, что историю нельзя определить как гуманитарную или общественную науку, не теряя при этом значительной части ее природы. История выделяется ими как нечто особенное, и эта особенность связана с ее «гибридностью». Дж. Тош пишет, что одностороннее определение места истории является ошибкой. «История, – полагает он, – это гибридная дисциплина, и своим очарованием и сложностью обязана именно тому, что несет в себе черты обеих категорий» [14, с. 56]. Другими словами, историческая наука, по мнению Дж. Тоша, сама пересечена границами, несет их в себе.

Следующая позиция, принадлежащая британскому историку и философу, представителю неогегельянства Р. Дж. Коллингвуду и его последователям, предполагает рассмотрение истории как методологически автономной науки. История, полагает философ, – это особая деятельность духа, и ее нельзя в логико-гносеологическом отношении сблизить с естествознанием или социологией. Она может рассматриваться лишь в соотношении с философией, так как они обе изучают исторически развивающееся человеческое

мышление. Историк изучает мышление, анализируя продукты материальной и духовной культуры, а философ – на основе данных самосознания и рефлексии [7, с. 13-14].

Одной из причин такой неопределенности места исторической науки является сложный объект исследования, включающий три основных компонента – общество и человек, прошлое общества, социально-историческое время. Эти компоненты также представляют собой сложные системы и образуют границы, как с естественными, так и с социальными и гуманитарными науками.

Также причиной неопределенности места исторической науки является признание ее универсального характера. Это проявляется в том, что фактом истории, а значит, и предметом изучения, может быть любое проявление человеческой деятельности. Реальность других наук, отходя в прошлое, становится предметом исторической науки. История, по мнению Дж. Тоша «является как бы перекрестком, где сходятся задачи многих дисциплин» [14, с. 285].

Пересечение с естественными науками проявляется в том, что изучение исторических источников, «следов» прошлого сопровождается обращением к методам естественных наук. Так же то, что происходит в природной сфере, может влиять на ход истории и выступает как «исторически важные события». И, наконец, прошлое, полагаемое реальностью исторической науки, ее проблемным полем, является предметом рефлексии и естественных наук (палеонтология, геология и др.).

Общество, как элемент объекта исторической науки является объединяющим фактором истории со сферой социальных наук. Духовная сфера, развитие духа, по Коллингвуду, выступает как граница гуманитарных наук.

Универсальность (в модернистской традиции) проявляется и в том, что история предстает как единый направленный мировой процесс. В связи с этим, социально-историческое время выступает как общее для всех обществ и государств, и для всех сторон общественной жизни. Различие темпов, ритмов определяется лишь на фоне этого мирового времени. Но если общество изучается не только историей, а прошлое является предметом изучения некоторых естественных наук, то время – это смысловое ядро исторической науки оно составляет объект только исторической науки и определяет ее специфику.

Социально-историческое время (в рамках данной традиции) является доминирующим по отношению к социально-историческому пространству. Модусы социально-исторического времени – прошлое, настоящее и будущее – признаются отдельными реальностями, связанными между собой.

Как мы видим, представления о месте исторической науки на протяжении недолгого времени не раз подвергались изменениям и, в большинстве случаев, она оказывалась на границе между естественными и социально-гуманитарными науками, между социальными и гуманитарными, сама выступала как сосредоточение границ. Такая «пограничность» обеспечивалась пересечениями элементов объекта исторической науки.

Во второй половине XX – начале XXI в. ситуация осложнилась: место исторической науки сместилось в сторону гуманитарного и даже внеаучного знания. Таким полагается место истории представителями постмодернизма, а еще ранее постструктуралистами и деконструктивистами. Как отмечают современные исследователи, гуманитарное знание захвачено литературоведением, осуществляющим попытки трансформации своих принципов и методов в другие области знания и, прежде всего, в историческую науку. Постмодернистская традиция характеризуется попытками «оторвать» историю от науки и переместить ее в сферу литературы и искусства, «воссоединить» научное и образно-художественное познание. По словам американского ученого и философа Д. Литтла, в исторической науке сейчас уделяется больше внимания историческому повествованию, чем причинным объяснениям [19].

Известный американский исследователь в области истории и философии, Х. Уайт считает, что история не может быть чистой наукой: хотя она и зависит от аналитических методов, но также большое значение в исследовании имеют интуитивные инсайды [15].

По мнению Ф. Р. Анкерсмита, основой историописания не являются ни наука, ни философия. Исторический текст, по мнению философа, не нуждается в кантианской «критике познания» и в метафорическом присвоении реальности, он логически отличается от сингулярных утверждений, свойственных «историческому исследованию» [2, с. 34].

Каковы же причины такой трансформации? Можно предположить, что они кроются в изменении представлений об элементах объекта исторической науки.

Рассмотрим, прежде всего, общество, сближающее историю с социальными науками. В постмодернизме оно уже не представляется чем-то целостным, его части не выстраиваются в иерархию. Ему свойственны плюралистичность и равноценность всех способов жизни. Индивид в данной традиции «подобен» обществу. Он не является целостным, не воспринимается как тождественный себе, характеризуется несовпадением социальных, персональных, биологических функций. Он становится чуждым самому себе и поэтому вынужден в истории преодолевать чуждость своего прошлого.

Такая точка зрения отразилась в философском творчестве Анкерсмита, который в качестве одного из составляющих объекта истории выделяет «персональное прошлое», которое, по его мнению, мало отличается от коллективного прошлого [1, с. 367]. Он вводит понятие «метафора» и полагает, что она позволяет человеку приспособиться к окружающей действительности и стать для нее своим. Метафора как индивидуальная точка зрения, с которой человек смотрит на часть исторической действительности «антропоморфирует» или «очеловечивает» реальность [18].

Исторический процесс, в основе которого лежит представление о социально-историческом времени, в постмодернизме уже не мыслится как единый направленный процесс, ему свойственна «ризомность». Термин «ризома», как известно, был заимствован из биологии и введен Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Ризома –

это множество беспорядочно переплетенных побегов, которые развиваются во всех направлениях [6]. Центр в этом случае не предполагается и направление «побегов» или потоков неопределенно.

Картина мира выступает как совокупность множества культур, не объединенных никаким универсальным принципом. Иерархия обществ и культур в рамках единого времени исключается, и их образ времени и положение не зависят от других культур.

Эти временные потоки порождаются историческими пространствами, в основе формирования которых уже не социально-историческое время, а географический фактор. Таким образом, в постмодернизме на первое место выходит пространство, которое понимается как «освоенное» географическое пространство, история которого есть самостоятельный и самодостаточный процесс становления общества, создающего свой образ социально-исторического времени.

Социально-историческое время теряет свою тотальность, распадается на множество представлений о нем. Эти представления могут быть «не вполне» социальными, так как модели времени могут принадлежать и индивидуальному сознанию. Время, кроме того, это уже не время исторической реальности (так как она признается недоступной), а время условно обозначаемой реальности – нарратива.

Эти изменения коснулись и представлений о модусах социально-исторического времени и их соотношениях. Прошлое, выступавшее в модернистской традиции в качестве онтологической основы как особая объективная реальность, утрачивает свою значимость для исторической науки – теперь на первом плане настоящее, выход за пределы которого становится невозможным. Настоящее приобретает статус единственной реальности, которой подчиняются (входят в его состав) уже не существующее прошлое и еще не существующее будущее. То есть социально-историческое время или время истории уже не совокупность различных реальностей (прошлое, настоящее, будущее), его, можно сказать, «лишают» модусов.

Также происходит «разрыв» между прошлым и настоящим, выражающийся в том, что современность – это новая реальность, и она не зависит от прошлого, а преодолевает его. Прошлое перестает быть «нашим» прошлым, оно становится настоящим «других». Оно, как пишет В. Н. Сыров, не реальность, детерминирующая нас, а нарративно-организованное описание, «которое нас не удовлетворяет и потому чуждо нам» [13].

Прошлое историческое уже совсем не похоже на то прошлое, которое исследуется в естественных науках. Таким образом, прошлое в истории изменяет свои «роли». Будущее, в условиях «ризомности», неопределенности развития обществ, вообще утрачивает свою онтологическую сущность, так как не детерминировано настоящим и, тем более, прошлым. Как пишет Э. Левинас, «будущее – это другое», его «внешность» совершенно иная, «отличная от пространственной внешности как раз потому, что будущее застаёт нас врасплох», «сваливается на нас и завладевает нами» [10, с. 77].

В этой ситуации поиски места исторической науки перемещаются в другую область. Сомнения в «научности» истории приводят к тому, что история рассматривается не через соотношение с наукой, а через противопоставление. Х. Уайт выделяет ряд отличий истории и науки. По его мнению, эти отличия заключаются, во-первых, в том, что ее законы отличаются от законов природы. Он пишет, что попытки «создать типы универсальных законов, которые науки всегда стремятся производить» провалились [20, р. 49].

Во-вторых, реальностью истории признается не существующая действительность и даже не совокупность следов, а нарратив, поэтому для истории неприменимо буквалистское описание (по терминологии Х. Уайта). Такое описание пригодно лишь «для создания анналов или хроники, но не “истории”». Историки, стремясь к истине, не могут не использовать фигуративную речь и дискурс, «который по своему типу является скорее поэтическим (или риторическим), нежели буквалистским» [15, с. 7].

Именно нарратив, по Уайту, есть то, что сближает историю с искусством и литературой. В основе такого мнения лежит утверждение философа о том, что исторический нарратив и исторический роман создаются по одним и тем же правилам и подчиняются им же. Общность истории и литературы заключается и в «предмете» описания: они описывают жизнь людей. Но, сближая историю с искусством и литературой, философ их не отождествляет, а отмечает различия, полагая, что, не являясь чистой наукой, история не является и чистым искусством.

Уайт также находит определяющие различия между искусством, литературой и историей: во-первых, – это жанровые различия, во-вторых, различия в «интересах» между литературой и историографией. Первая характеризуется интересом к возможному, а вторая – к действительному. История, по словам Уайта, выступает «архетипической моделью реалистического полюса репрезентации» [20, р. 44]. В литературных и исторических описаниях по-разному расставляются акценты, ставятся различные цели.

В-третьих, исторические данные неподвластны, как в искусстве, художественной манипуляции.

В-четвертых, литературе свойственен пространственный способ описания, а процесс письма в исторических нарративах – это временной модус. История не статическое описание, а конструкция правдоподобного через описание серии событий. Таким образом, истории, в отличие от литературы и искусства, свойственен интерес к действительному, к действительной жизни людей, которая конструируется как серия событий, разворачивающихся во времени.

Так же как Х. Уайт, Ф. Р. Анкерсмит полагает, что история – это нарративное, а не научное знание. Различие между ними он видит в том, что элементарными компонентами научного знания являются высказывания, а нарративного – части высказываний (научная терминология). Нарратив – это то, что объединяет историю и литературу. Но процесс исторического познания осуществляется в два этапа: «историческое исследование», с помощью которого происходит установление исторических фактов и «нарративное написание истории» означающее интерпретацию того, что «добыто» в историческом исследовании – фактов, составивших событийный ряд.

Сравнивая историографию с реализмом в литературе и искусстве, он выявляет различия между историческим романом и историческим нарративом. Объединяя историю и литературу, нарратив, с точки зрения Анкерсмита, по-разному проявляется в них. Как утверждает философ, цель исторического нарратива – построение осмысленной картины прошлого, отражающей действительные вещи и события. Исторический нарратив опирается на факты, автор нарратива аргументирует и обосновывает полученные результаты. При написании нарратива отсутствует какая-то определенная точка зрения или определенная интерпретация прошлого.

В историческом же романе, по мнению Анкерсмита, автор использует обобщенное историческое знание для изложения ситуаций. Историческую реальность писатель изображает так, как видят ее живущие в прошлом люди, и именно их точка зрения на современный им социокультурный контекст репрезентируется в романе. Как пишет М. Ф. Кукарцева, излагая точку зрения Анкерсмита, «нарративы есть *интерпретации* прошлого, и они *развивают* эти интерпретации применительно к социоисторической действительности, а не просто *применяют*, как это делает литература» [9, с. 44]. Поэтому разница между историческим нарративом и историческим романом усматривается в самом способе написания текста, а не в его соотносительности с реальностью прошлого самой по себе. В историческом нарративе необходимым элементом выступает время.

Отечественный исследователь В. Н. Сыров считает, что историческое повествование отличается от художественного принципом, в основе которого лежит концепт опыта. Художественные произведения переживаются, а исторический нарратив несет в себе опыт, который предназначен для действия. Опыт, по словам В. Н. Сырова, можно рассматривать как «обозначение одного из типов нарративов. Он также имеет темпорально организованную структуру “начало-середина-конец”, где началом можно считать цели, положенные героями того или иного исторического сюжета, а героями могут быть индивиды, группы, народы, культуры» [13].

Таким образом, рассматривая специфику истории, выделяя ее различия с наукой, философы, приверженцы постмодернистской традиции в то же время находят различия и между историей и литературой, историей и искусством. Оценивая место исторической науки, Х. Уайт определяет ее «территорию» как «эпистемологически нейтральную», лежащую, как он предполагает «между историей и искусством» [21, р. 111]. Дж. Тош отмечает, что историю адекватно можно охарактеризовать лишь в категориях парных противоположностей. Это проявляется, прежде всего, в методах ее постижения. Историк, полагает Тош, должен совмещать нарративные навыки с аналитическими, проявляя как сопереживание, так и отстраненность [14, с. 287].

Место исторической науки в представлениях постмодернистов «сдвигается», и она располагается между научным (гуманитарным) и вненаучным знанием. Изменения представлений о ее месте связано с пересмотром ее оснований. Но, тем не менее, то, что позволяет называть ее исторической наукой и определяет ее специфику остается неизменным – изучение человека во времени.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 608 с.
2. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
3. Бернгейм Э. Введение в историческую науку. М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2011. 71 с.
4. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л.: Гослитиздат, 1940. 620 с.
5. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Особенности познавательной деятельности в социально-гуманитарных науках [Электронный ресурс] // Философия и общество. 2010. Вып. № 2 (58). URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/126689/> (дата обращения: 22.05.2015).
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/doc184482549_189854454?hash=fad6578b6e212adfe0&dl=98694f379ecda7539e (дата обращения: 18.03.2015).
7. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. 488 с.
8. Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. СПб., 1912. Вып. 4.
9. Кукарцева М. Ф. Анкерсмит и «новая» философия истории // Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 15-63.
10. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека / пер. с франц. А. В. Парибка; Высшая религиозно-философская школа. СПб., 1998. 265 с.
11. Медушевская О. М. Источниковедение: теория, история, метод. М., 1996. 80 с.
12. Монтеस्कье Ш.-Л. О духе законов // Антология мировой философии: в 4-х т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения.
13. Сыров В. Н. Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу [Электронный ресурс]. URL: <http://любомудр.рф/> (дата обращения: 18.03.2015).
14. Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть ремеслом историка / пер. с англ. М.: Весь мир, 2000. 296 с.
15. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века [Электронный ресурс]. Екатеринбург, 2002. URL: <http://www.twirpx.com/file/1010139/> (дата обращения: 18.03.2015).
16. Черникова И. В. Методология научного исследования в социально-гуманитарных науках [Электронный ресурс]. URL: <http://ctl.tpu.ru/files/metsocial.pdf> (дата обращения: 18.03.2015).
17. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009.
18. Ankersmit F. Narrative Logic // A Semantic Analysis of the Historian's Language. The Hague, 1983. P. 209-220.
19. Little D. Philosophy of History [Электронный ресурс]. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/win2012/entries/history> (дата обращения: 18.03.2015).
20. White H. Historical Text as Literary Artifact // The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding / ed. by R. H. Canary and H. Kozicki. The University of Wisconsin Press, 1978. P. 41-62.
21. White H. The Burden of History // History and Theory. 1966. Vol. V.

IDEAS ABOUT PLACE OF HISTORICAL SCIENCE IN THE SYSTEM OF KNOWLEDGE

Borovkov Aleksandr Mikhailovich, Ph. D. in Philosophy
Altai State University (Branch) in Rubtsovsk
bam-alexsan@yandex.ru

Borovkova Ol'ga Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
I. I. Polzunov Altai State Technical University (Branch) in Rubtsovsk
o.v.borovkova@gmail.com

The article studies one of the features of historical science that is in the fact that the modern definitions of its place in the sphere of knowledge have unsteady, contradictory nature, and it represents the ongoing transformation of history, which, in turn, is related to the uncertainty of its borders with neighboring sciences. It is shown that this uncertainty is caused by changes in ideas about the elements of the complex object of historical science. It is revealed that these changes do not destroy the “sense core” of historical science – time.

Key words and phrases: historical science; natural sciences; social sciences and the humanities; general scientific monism; modernism; postmodernism.

УДК 316.001

Социологические науки

В статье анализируется социальное положение афроамериканцев как следствие неоконсервативной революции в США. Представлены данные из социологических исследований последнего времени, которые указывают не только на сохранение, но и на усугубление расового неравенства в стране. Изложенные материалы могут быть использованы в усиливающейся в последнее время полемике между США и РФ по вопросам, связанным с демократией.

Ключевые слова и фразы: расовая дискриминация в США; сегрегация; американские школы; здоровье чернокожих американцев; американские тюрьмы.

Вербин Анатолий Александрович, доцент
Санкт-Петербургский университет технологии и дизайна
anatoly_verbin@mail.ru

ДЕГРАДАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ АФРОАМЕРИКАНЦЕВ[©]

7 марта в США отметили пятидесятую годовщину подавления полицией одного из многочисленных выступлений против расовой дискриминации, которые проходили в США в начале 1960-х гг. Мы имеем в виду марш из городка Селма (Алабама) в столицу штата Монтгомери с требованием предоставить им право на участие в выборах. Полиция и национальные гвардейцы жестоко подавили протестовавших, оставив на пути следования колонны многочисленных раненых от полицейских дубинок, копыт конной полиции и слезоточивого газа. Это событие вошло в историю США как «Кровавое воскресенье». Данная годовщина стала не первым мероприятием последнего времени, связанным с историей борьбы чернокожих американцев за равные права. В 2013 г. американские власти широко организовали и провели 50-летнюю годовщину знаменитой речи М. Лютера Кинга «У меня есть мечта». Было много торжественных собраний, на которых многие политики, включая президента Обаму, произносили проникновенные речи, делались реверансы в память известного афроамериканца. Но упоминаний о том, что ФБР пристально следило за всеми его действиями, прослушивало все его телефонные разговоры, распространяло лживые слухи о нем с целью дискредитации, не было. Также не было упоминаний о жестоких преследованиях, которым подвергались те, кто выступал против расовой дискриминации.

А в 2014 г. отмечалась 50-я годовщина объявления президентом Л. Джонсоном своей программы «Великое общество». Как обещал президент, после выполнения этой программы «в Америке не будет голодных детей и ни одного подростка, не посещающего школу. Это будет общество, в котором древнее зло расизма и несправедливости будет побеждено, а государство будет гарантировать справедливость и предоставлять всем одинаковые возможности» [15, р. 7]. По поводу этой годовщины торжеств и высокопарных речей также не было, так как многообещающие перспективы программы «Великого общества» остались только обещаниями. Конечно же, закон о равноправии чернокожих американцев был принят в середине 1960-х гг., но законы на бумаге, как известно, не гарантируют реального равенства в жизни. И это понятно, т.к. чтобы действительно сознательно и на равных участвовать в выборах, претенденты должны обладать соответствующими ресурсами (экономическим, образовательным и культурным). К тому же, так называемый бытовой